

DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-25-59

Алан Фриман

Университет Манитобы (Виннипег, Канада)

ВСЕМИРНЫЙ КРЕАТИВНЫЙ АУДИТ: ПЛАН ПРЕДЛАГАЕМОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: в данной статье рассматривается необходимость разработки международной программы исследований креативного труда как предпосылки для новых форм социальной организации, требуемых ноономикой. Исследование преследует две цели – качественную и количественную. В качественном отношении оно позволит установить объективные стандарты для определения креативного труда и связанных с ним форм умственной продуктивной деятельности, а в количественном – получить статистические данные по креативным производственным ресурсам пяти и более ключевых стран.

Ключевые слова: государственное планирование, кооперативная организация труда, креативное производство, креатосфера, кризис капитала, ментальная экономика, ментальные объекты, непроизводительный труд, ноономика, постмеханическая эпоха, противоречия общественной и частной собственности, симулятивные блага, творческий труд, технологические инновации.

Для цитирования: Фриман А. (2023). Всемирный креативный аудит: план предлагаемого исследования // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 2, № 4, С. 25–59. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-25-59

Alan Freeman

University of Manitoba (Winnipeg, Canada)

A WORLD CREATIVE AUDIT: A RESEARCH PROPOSAL

Abstract: The paper examines the need of developing an international research program on creative work as a prerequisite for the new forms of social structure required for noonomy. The study has two goals – qualitative and quantitative. Qualitatively, it will make it possible to establish objective standards for defining creative labor and related forms of mental productive activity, and quantitatively, to obtain statistical data on the creative production resources of five or more key countries.

Keywords: state planning, cooperative organization of labor, creative production, creatosphere, crisis of capital, mental economy, mental objects, unproductive labor, noonomy, post-mechanical age, contradictions of public and private property, simulative benefits, creative labor, technological innovation.

For citation: Freeman A. (2023). A World Creative Audit: a Research Proposal. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, Vol. 2, No. 4, pp. 25–59. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-25-59

艾伦·弗里曼

马尼托巴大学(加拿大, 温尼伯)

制定关于全球创造性劳动统计和研究的计划

摘要: 作者认为创造性劳动是形成智慧经济所要求的新型社会组织形式的先决条件, 有必要制定一项国际规模的创造性劳动研究计划。该项研究有定性研究和定量研究二项任务。定性研究的任务是为创造性劳动及智慧生产活动形式定义客观标准; 定量研究的任务是对五个或更多主要国家的创造性生产资源数据进行统计分析。

关键词: 国家计划、劳动合作组织、创造性生产、创新领域、资本危机、心理经济、精神客体、非生产性劳动、智慧经济、后机械时代、公共财产和私有财产间的矛盾、虚假福利、创造性劳动、技术创新。

引用注释: 弗里曼 A. (2023). 制定关于全球创造性劳动统计和研究的计划//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 2, No. 4, pp. 25–59. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-25-59

Креативный труд – главный ресурс ноономики

Для исследования предлагается использовать девять принципов. Возможно, они неоднозначны и еще требуют дополнительных дискуссий, но наша задача в том, чтобы наметить практический курс совместных исследований. В связи с этим можно рассматривать эти принципы как постулаты, которые будут критически оцениваться в ходе самих исследований.

Принципы

- Отношения между ноономикой и креативностью двойственны и симметричны. Креативный труд является основным ресурсом новых технологий ноономики. Однако только принципы ноономики могут превратить его во всеобщий производственный ресурс, вернув творчеству его законное место как универсальной человеческой способности и универсального права человека.

- Креативное производство представляет собой вид экономической деятельности – это отрасль разделения труда с общими ресурсами, общими методами производства и общими продуктами.

- Креативное производство является новой прогрессивной и перспективной отраслью: оно использует все больше рабочей силы и его объем производства растет, в отличие от устаревающих отраслей промышленности, таких как сельское хозяйство, обрабатывающее производство и т.д.

- Креативный труд – это совместная деятельность людей. Условием его эффективного и полезного использования является универсализация креативного сотрудничества.

- Кооперативная организация труда в креативном производстве не только дополняет, но и превосходит социализацию собственности, на которой делали акцент К. Маркс и Ф. Энгельс, оценивая перспективы перехода от монополистического капитализма к социализму.

- Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) занимают центральное место в этом новом явлении. Они представляют собой средства производства креативной экономики. В частности, *производство программного обеспечения* – это ее «клеточная форма», сравнимая с фабрикой в эпоху господства механики.

- Правильное управление креативным производством, в отличие от машинного, требует иной модели социальной организации, основанной на всестороннем развитии человека, поэтому ноономика занимает центральное место в его правильном использовании.

- Ключевое место в этом процессе занимает креативная инновация: разработка и быстрое внедрение новых открытий. Как и все предыдущие волны инноваций, она имеет общую, на первый взгляд, парадоксальную предпосылку – стандартизацию, являющуюся основой любого человеческого сотрудничества.

- Может показаться парадоксальным отношение к стандартизации как к необходимому условию творчества [Hofstadter, 1986], суть которого заключается в разнообразии. Однако в креативном производстве она принимает своеобразную форму, направленную на *максимальное разнообразие человеческой жизни за счет минимизации препятствий для творчества*.

В заключение отметим, что первичными нормами, предъявляемыми к эпохе со-зидания, являются нормы, регулирующие ее основной ресурс – креативный человеческий труд. Разработка таких социально-управляемых стандартов была бы большим достижением для ноономики. Исследование должно обеспечить доказательную базу для достижения этой цели.

Программа научных исследований

Программа не претендует на полноту необходимых исследований, а ставит задачи, решение которых возможно на основе уже существующих исследований и является основой для будущих исследований.

Основное внимание необходимо уделить характеристикам и масштабам творческой рабочей силы в мировой экономике в ее нынешнем виде. Она имеет качественный и количественный аспект, соответствующий методу *интенсивности*, разработанному совместно исследователями Великобритании, Австралии и Франции, который был принят Министерством по делам культуры, СМИ и спорта Великобритании (DCMS) в качестве основы для статистической отчетности по творческим отраслям в стране.

- Качественный аспект требует от нас определения *видов деятельности*, которые следует считать творческими, и *отраслей*, которые следует считать креативными.

- Количественный аспект требует от нас измерения в каждой из исследуемых стран *размера* творческой и нетворческой рабочей силы в отраслях экономики и выявления тех из них, в которых эта творческая рабочая сила используется особенно интенсивно.

- Затем необходимо оценить богатство, созданное этими отраслями, а значит, использование и результаты производительного творческого труда.

Этот метод был изложен в нескольких работах, в частности в работах Бакши и др. [Bakhshi, Freeman, Higgs, 2013] и Фримана [Freeman A., 2002]. Полученные результаты приводят к созданию креативного *трезубца* [Higgs, Cunningham, 2008], который позволяет со-

средоточиться на конкретных отраслях, где *интенсивно используется творческая рабочая сила*, мы обозначили их как креативные, и, кроме того, позволяет исследовать растущую роль работников, осуществляющих творческую деятельность в других отраслях, а значит, и в экономике в целом.

Ранее данный метод не использовался в странах, за исключением Великобритании, Франции и Канады. При этом для Канады данный метод использовался в качестве источника предварительной информации без детального изучения профессиональной структуры Канады, которое, как будет объяснено, необходимо для полной сопоставимости. Изучение данной структуры (которая откроет путь к сопоставимому подходу к экономике США и Мексики) станет предметом исследования.

Метод интенсивности допускает несколько вариантов выбора, поэтому определения и, следовательно, величины, которые он дает, зависят от вариантов выбора. Нашей целью является создание гибкой системы, в которой могут быть проверены различные гипотезы о том, какая деятельность является творческой.

С одной стороны, метод опирается на существующую практику и, следовательно, имеет комплекс прошлых работ, на которые можно опираться, чтобы не изобретать *велосипед*; но, с другой стороны, он развивает эту практику и таким образом расширяет результаты за пределы границ, установленных в эпоху механики, которую мы оставляем позади.

Необходимым условием эффективного и практичного управления в постмеханическую эпоху, как следствие, является соответствующая перестройка категорий, используемых для описания производственной деятельности человека и вытекающих из изучения того, как она осуществляется и организуется в настоящее время.

Это не противоречит необходимому обсуждению того, каким образом ею следует управлять и организовывать ее *в будущем*, что является специфической областью исследования ноономики.

Любые социальные преобразования, кроме утопических, начинаются с того, *что есть и существует на самом деле*, и задаются вопросом, как мы можем сознательно это изменить согласно нашим желаниям. Это не обязывает нас принимать то, что имеется, но это является необходимой отправной точкой. Решение этой основной рационалистической проблемы, восходящей (в западной мысли) к разногласиям между Кантом и Юмом по поводу отношения «есть» к «должно», остается необходимой основой практических предложений по изменению.

Что представляет собой отрасль производства? Причины изучения кооперации в современном промышленном развитии

Основа современной практики отраслевой классификации восходит к Адаму Смиту: это понятие *отрасли разделения труда* – совокупности предприятий или участков производства, связанных между собой определенной *специализацией*. О важности этого понятия можно судить по тому, что оно, по мнению Смита, лежит в основе «Богатства народов».

Стоит задуматься, почему так происходит? Ведь это настолько обыденное понятие, что его легко проигнорировать. А поскольку центром внимания всех последующих исследований источников повышения производительности труда является гораздо более захватывающее появление механического производства, то соблазн игнорировать данное понятие превратился в увлеченность. В машинократическом стремлении определить машину,

фабрику и собственность предпринимателя в качестве истинного источника богатства, специализация как таковая, которая является социальным, а не частным достижением, стала одним из многих осиротевших детей современной экономической мысли.

Причина в том, что специализация является основой, позволяющей сделать труд более производительным. Любой не обладающий большим умом человек может установить водяное колесо в ручей, но, чтобы превратить его в технологическую парадигму, необходимо создать вокруг него целую систему труда. Именно система труда, а не колесо или приводимая им в движение машина, составляет суть воплощенного в ней технического прогресса.

В центре любой такой системы труда лежат два достижения:

- создание *квалифицированной* рабочей силы, способной посвятить себя созданию *определенной* системы машин, и
- *согласованное участие* этой квалифицированной рабочей силы в данном предприятии, в свою очередь навязанное специализацией.

Маркс предлагает аналогию с оркестром: в нем большое количество разных инструментов, однако только когда они объединяют свои усилия, они приносят плоды в виде симфонического звучания. Действительно, если более внимательно рассмотреть недостаточно изученную категорию *умений*, которая часто воспринимается как нечто само собой разумеющееся и обособляется в литературе от *знаний* – хотя во многих смыслах предшествует им и составляет их материальную основу – мы почти наверняка обнаружили бы ее тесную связь с категорией специализации. Помимо использования орудий труда, которое часто постулируется как *родоспецифическое* для человечества, важной эволюционной характеристикой человечества является разделение функций. Общество, в котором одни люди охотятся, а другие выполняют другие роли, неизбежно будет работать лучше, если его охотники сосредоточатся на том, чтобы лучше охотиться. Это навык, не сводимый к приобретению знаний. Напротив, знания, если они вообще существуют, лучше всего было бы охарактеризовать как средство социального обобщения навыков.

Совместная работа – это осиротевший близнец специализации в современной экономической мысли, которая просто предполагает, что рынок будет устанавливать правильное соотношение между различными специализациями. Это приводит к своеобразному парадоксу: на предприятии координация между его частями тщательно спланирована и полностью изолирована от разрушительного воздействия рынка, в то время как в обществе в целом планирование предается анафеме.

Таким образом, главная производительная функция современной нации двояка. Речь идет о том, чтобы внедрить в национальном масштабе те специальные навыки, которые обеспечивают эффективное использование машин и, в силу этого разделения труда на множество различных видов деятельности, организовать их взаимодействие в рамках единой *национальной* системы регулирования и коммуникации: система железных дорог, система дорожного движения, система производства взаимосвязанных инженерных компонентов, система производства и потребления электроэнергии, строительство жилых домов (как это делается в Швеции) в масштабах, создающих массовый рынок воспроизводимых единиц установленной мебели, что закладывает основу для мирового господства ИКЕА, для обеспечения совместности средств ведения войны вплоть до размеров снарядов, для стандартизации таких мелких деталей, как винт и гайка, вплоть до спецификации системы мер и весов – одного из первых и технологически фундаментальных достижений Французской революции.

Всем экономистам, которые пренебрегают стандартизацией как мелкой причудой, а не фундаментальным принципом промышленного производства, можно задать два вопроса: Вы когда-нибудь пытались вкрутить метрический болт в гайку с резьбой британского стандарта BSI? Почему нужно ездить по правой стороне дороги?

Совместное и диалектическое соотношение специализации и кооперации, а также возникающая из этого противоречия посредническая роль стандартизации, по нашему мнению, является если не главной, то одной из основных проблем ноономики. Кроме того, мы утверждаем, что она является ключевой для любого осмысленного понимания того, как на самом деле функционирует современная креативная экономика, центральное место в которой занимает программное обеспечение.

Распространено заблуждение, что анализ кооперации и специализации представляет собой некую интеллектуальную предысторию марксова анализа истинного источника стоимости, заключающегося в ее происхождении в процессе осуществления человеческого труда. Это вытекает из ошибочного представления о том, что общественный труд заключается в простом объединении деятельности отдельных работников, достигаемом за счет рынка. Никто из тех, кто сталкивался с реалиями промышленного производства, не может воспринимать это понятие иначе как небылицу.

Маркс не только принял концепцию Смита о специализации как основе превосходства производственных возможностей капитализма, но и развил ее, поставив ее в центр своего представления о способах воспроизводства и накопления капиталистического общества. Она занимает центральное место в знаменитых «Схемах воспроизводства» второго тома «Капитала» и в обсуждении пресловутой проблемы трансформации, в которых предпринимается попытка определить количественные отношения, обуславливающие обмен произведенными в различных отраслях производства товарами.

Эта концепция была развита викторианскими экономистами всех стран, когда они создали своеобразную «карту» промышленного производства по категориям и подкатегориям, таким как сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, строительство, производство (в свою очередь подразделяемое на такие категории, как машиностроение и гражданское строительство), транспорт и связь, коммунальные услуги, розничная торговля, финансы и другие услуги, такие как образование или здравоохранение и т.д. По сути, отраслевая классификация представляет собой один из самых ранних международных стандартов, по которому практическая экономика достигла общего согласия и который был положен в основу всего системного управления производством и развитием.

Данная концепция достигла своей высшей формы в работе Василия Леонтьева «Анализ по схеме *затраты-выпуск*», в которой прослеживалось, как цепочки поставок переносят продукцию на различных стадиях производственного процесса из одной отрасли промышленности в другую. В гораздо более грубой форме оно проявляется в различении, которое пронизывает национальные расчеты, проведенные Кейнсом, Калецки и другими, между отраслями, конечная совокупная продукция которых состоит из продаж «конечному спросу», и остальными – по сути I и II отделами Маркса.

Именно благодаря Леонтьеву это понятие стало инструментом *планирования* не только в Советском Союзе, но и в Америке военного времени, где его «экономическая технология» была использована для перевода экономики США на военные рельсы путем точного расче-

та количества рабочих мест и продукции в каждой отрасли США для достижения цели, по сути, превращения ее в мастерскую западной военной машины.

Таким образом, понятие отрасли промышленности не является каким-то абстрактным или академическим вздором, а напротив – возможно оно представляет собой самое фундаментальное открытие экономической теории и, безусловно, больше всего нуждается в сохранении и расширении в теории ноономики. В то же время оно не может быть принято в том виде, в котором оно сложилось в эпоху, когда механическое производство физических объектов было доминирующим занятием человеческого труда.

Требуется фундаментальная адаптация концепции к практическим требованиям управления обществом, организованным на принципах ноономики, т.е. обществом, в котором производство нематериальных объектов, подкатегорией которых являются ментальные объекты, является основной и даже преобладающей формой продуктивного использования человеческого труда.

Стандартное определение отрасли является общепринятым и приводится в международно-признанных руководствах по классификации отраслей¹. Виды деятельности, составляющие отрасль, определяются как минимум одной из следующих трех характеристик:

- Они специализируются на использовании какого-либо общего ресурса, например, сельскохозяйственных угодий, определенного вида минерального или иного сырья, конкретного источника энергии (пара, нефти, электричества и т.д.);
- Они специализируются на каком-то определенном типе *процесса* (например, прядильное и ткацкое производство на ранних этапах первой промышленной революции, современные сборочные конвейерные линии, химические заводы и т.д.);
- Они производят определенный *продукт* – например, автомобили, самолеты, посуду, здания, транспортные услуги, а в наше время еще и программное обеспечение, радиопередачи, газеты и т.д.

Некоторые отрасли определяются одним из этих признаков в большей степени, чем другие, но окончательное правило, восходящее к первоначальной концепции Смита, гласит, что группа видов деятельности представляет собой отрасль или подотрасль производства в том случае, если производительность труда в этих отраслях повышается за счет специализации внутри предприятий и взаимодействия между ними.

Это заставляет нас задать, по сути, фундаментальный вопрос, стоящий перед управлением (в том числе и самоуправлением) ментально-продуктивной экономикой, основанной на услугах, что приводит к улучшениям за счет специализации?

Традиционная экономика сосредоточена на *индивидуальном производителе*, и можно сказать, что она буквально одержима им. С этой точки зрения технологические инновации заключаются в разработке новых типов машин, новых продуктов и новых процессов. Действительно, в посвященной инновациям литературе укоренилось именно такое представление о технологических изменениях – так, например, транзистор или электронный компонент рассматриваются в ней как основа предполагаемой «Четвертой промышленной революции». Это максимально далеко от реальности. Современное производство трансформировалось не за счет электронных компонентов, а за счет их *социального использова-*

¹ ISIC. 2008. International Standard Industrial Classification of All Economic Activities Revision 4. United Nations Department of Economic and Social Affairs, Statistics Division. unstats.un.org/unsd/publication/seriesM/seriesm_4rev4e.pdf

ния. Это не просто способ изменения *отдельных компонентов* производственной системы. Это *способ сотрудничества*, используемый обществом для интеграции этих компонентов в производственную систему.

Конечно, кооперация и специализация, являющиеся в определенном смысле диалектическими противоположностями в капиталистическом производственном прогрессе, всегда работали и друг с другом, и друг против друга. Так, реальной основой второй промышленной революции в равной степени является *железнодорожная система* (прототип, наряду с почтовой системой, современной производственной кооперации) и использование паровой энергии как таковой. Точно так же *электрификация и энергосистема* являются основой того, что Кристофер Фриман называет «эпохой стали, электричества и империализма», равно как и производство и использование электроэнергии. Действительно, если изучить тесную взаимосвязь классических «родоначальников» капитализма, таких как прядильная машина «Дженни» и ткацкий станок, то, с точки зрения их отношения к мировой экономике, мы увидим, что они в не меньшей степени обязаны революции в производстве одежды и поставке сырья из колоний, то есть системам судоходства и военным системам, от которых зависело снабжение, чем гению создателей этих машин Харгривза или Аркрайта.

Однако для сторонников современной инноватики или истории изобретений движущими силами этого процесса являются прядильная машина «Дженни», ткацкий станок, паровая машина, генератор и электродвигатель.

В постмеханическую эпоху такой подход не только устарел, но и вводит в заблуждение. Основой современной ментальной специализации является кооперация, поэтому именно на системах кооперации как национальной, так и международной, должна базироваться будущая инновационная наука.

Мы предлагаем индустрию программного обеспечения и ИКТ в качестве носителя и архетипа этой революции именно потому, что это единственная отрасль, в которой кооперация является фундаментальной основой специализации. Мы предлагаем креативные индустрии в качестве архетипических движущих сил этой революции именно потому, что, перейдя на этот носитель и его архетипические модели производства, они стали его движущими силами.

Ноономическая конъюнктура: современное состояние и тенденции развития национальных производственных систем

Что мы подразумеваем под понятием «сейчас»? Оно было предметом философского дискурса в западной мысли еще со времен Гераклита. Это один из фундаментальных вопросов науки, которому уделяется большое внимание в работе Р. Десаи «Геополитическая экономия», где настойчивое подчеркивание исторического измерения всех категорий политической экономии позволяет вписать их в соответствующий географический контекст.

Итак, приведем лишь один пример, имеющий ключевое значение для нашего анализа: что значит «быть индустриализированным»? Это исторически абсолютное или исторически относительное понятие? Была ли Япония времен реставрации Мэйдзи уже «индустриализированным» обществом? По меркам того времени это было не так, но тем не менее она нанесла грубый удар по недолговечным восточным устремлениям графа Витте, разгромив в войне 1905 г. якобы превосходящие российские вооруженные силы.

Как может подтвердить любой физик, биолог или химик, научное понятие «состояние» системы представляет собой диалектическое единство двух аспектов: текущего *положения* системы и *направления ее движения*. Таким образом, мы не понимаем, что такое частица, если наряду с ее положением в пространстве не учитываем ее импульс. Мы не поймем экологию одушевленных существ, если не поймем их эволюцию. И самое главное, мы не поймем общество, полагая его застывшим во времени, как это делает вся постоянная, т.е. основная неоклассическая, экономическая теория.

Следовательно, понимание будущего в нооэкономике требует изучения тенденций промышленной специализации, которая, в свою очередь, должна возникнуть в результате изучения их исторического прошлого. Это понятие заключено в понятии конъюнктуры.

Понятие конъюнктуры было и по праву остается главным объектом внимания российской и советской социальной науки. Кондратьев сознательно назвал свою исследовательскую группу «Конъюнктурным институтом». Варга, возможно, самый выдающийся статистик Коминтерна (хотя, возможно, и самый противоречивый), рассматривал свою роль как изучение «экономической конъюнктуры». Насколько мне известно, Саймон Кузнец не использовал этот термин, однако весь его метод является конъюнктурным, то есть посвящен исследованию экономической динамики¹. Оксфордский *социологический словарь* определяет конъюнктуру следующим образом: «Термин, используемый так называемыми структурными марксистами (см. Луи Альтюссер) для обозначения конкретного состояния политико-экономических и особенно классовых отношений в конкретном обществе, в конкретный момент времени (как в «конкретной исторической конъюнктуре»)».

Любое рассмотрение *промышленной* конъюнктуры неизбежно опирается на абстракции, такие как сельское хозяйство, промышленность или сфера услуг, которые одновременно повсеместно применяются и подвергаются сомнению. Например, деревья – это не пищевой продукт, а строительный материал. Так куда же лучше вписать современное лесное хозяйство – в сельскохозяйственный, строительный или производственный сектор? Это позволяет легко найти «прорехи» в любой системе отраслевой классификации.

К такой поверхностной критике нельзя относиться легкомысленно. Единственной доступной на сегодняшний день альтернативой системному подходу к классификации является нигилизм – без правил и ограничений. Это открывает дорогу индивидуалистическим способам взаимодействия между теоретиками, в которых каждый может принять любое удобное для себя определение. Это подрывает и, в конечном счете, разрушает фундаментальный принцип, который мы пытаемся установить, а именно – необходимую кооперативную основу для человеческого прогресса.

Но диалектика специализации и кооперации неизбежно сталкивается с основной дилеммой познания. Каждый специалист сталкивается с реальностью через определенное практическое взаимодействие с ней. Для физика-теоретика молекула представляет собой невероятно сложную совокупность взаимодействий на квантовом уровне. Для химика это всего лишь основа изучения соединений. Для биолога эти соединения являются элемен-

¹ Рассмотрим, таким образом, «*Современный экономический рост: темпы, структура и распространение*» 1965 года. Нью-Хейвен: Издательство Йельского университета, 1966 г. *Экономический рост стран: общий объем производства и структура производства*. Кембридж: Belknap Press издательства Гарвардского университета, 1965 г. *Экономический рост и структура: избранные очерки*. Нью-Йорк: Нортон.

тарной основой биосферы. Для социолога биосфера есть не что иное, как неисследованная предпосылка социального существования человека. Для астронома социальное существование человека – всего лишь средство исследования космоса. Для космолога нет ничего важнее, чем объединить изучение материи во всем ее радужном великолепии с теорией существования частиц, которая является особым источником исследований для физика. Таким образом, все «знания» в конечном итоге зависят от отношений сотрудничества, которые эти специализированные исследователи устанавливают друг с другом.

Действительно, это основа притчи о слоне. Однако в конечном счете специалисты по слоновьиим хвостам, ногам и хоботам, «ослепленные» невежеством особого познания, которое они приобрели в результате своего особого взаимодействия со слонами, – вынуждены работать вместе и прийти к единому описанию всего слона. Одним словом, само познание, как основа знаний, обусловлено специализацией, самой ранней эволюционной характеристикой производительного труда человека.

Именно по этой причине мы настаиваем на необходимости стандартизировать то, что мы считаем креативным трудом, и способы его измерения. Независимо от того, согласны ли мы с «общепринятыми» национальными правилами дорожного движения, которые действуют в любой стране, поскольку страна, которая пытается регулировать дорожное движение вообще без правил, является не национальной продуктивной системой, а национальным центром столкновений. *Критика* индустриальных определений не может быть приравнена к отказу от них.

На самом деле противоречия в мышлении – например, является ли вождение трактора сельскохозяйственной или промышленной деятельностью – возникают из противоречий в самой материальной системе, и поэтому метод критики должен носить материалистический характер, т.е. изучать материальные условия, порождающие парадоксы мышления, а не наоборот.

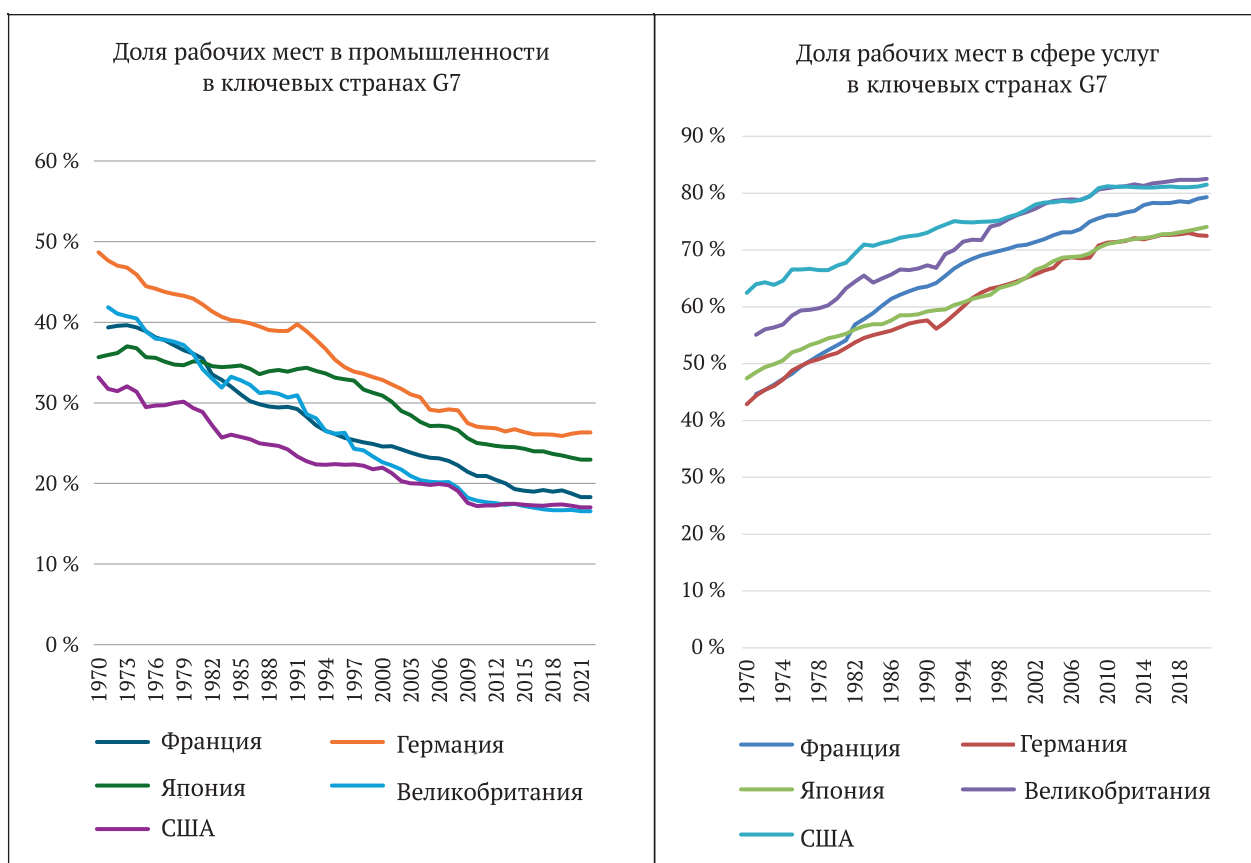
По указанным причинам мы начинаем с общепринятой широкой классификации производственной деятельности на сельское хозяйство, промышленность и сферу услуг¹. Данные на этой основе собирались еще в 1870 г. Современная стандартизация началась с создания послевоенной Международной стандартной отраслевой классификации всех видов экономической деятельности², которая на сегодняшний момент пережила четыре пересмотра и имеет ряд национальных вариантов, в частности, североамериканскую систему NAICS и систему NACE в Европейском союзе. Таким образом, произведя определенные манипуляции, можно получить сопоставимую историческую статистику за значительный исторический период. Ее важность в том, что она позволяет отличить истинные тенденции от случайных и циклических колебаний.

¹ Обратите внимание, что «производство» *само по себе* рассматривается в рамках системы отраслевой классификации как подотрасль промышленности, хотя и крупная, поскольку «промышленность» включает в себя другие сферы материального производства, такие как строительство. Аналогичным образом, как мы надеемся рассмотреть в данной статье, «услуги» включают в себя синкретическое сочетание различных видов деятельности – от транспорта и связи до финансовых спекуляций. Одной из основных задач предлагаемой нами *реконструкции* классификационной системы является системная *деконструкция* категории «услуги» – термина, этимологическое происхождение которого от феодального понятия «личная служба» свидетельствует как о его древности, так и о неадекватности.

² SIC. 2008. International Standard Industrial Classification of All Economic Activities Revision 4. United Nations Department of Economic and Social Affairs, Statistics Division. unstats.un.org/unsd/publication/seriesM/seriesm_4rev4e.pdf

Следуя индуктивным принципам настоящей науки, мы начинаем с простого представления некоторых фактов в виде набора графиков, которые затем попытаемся интерпретировать. Разумеется, другие интерпретации не только возможны, но и приветствуются, причем контр-интерпретации могут доходить до критики не только методов сбора данных, но и системы их классификации. Мы делаем только одну оговорку, исходя из предыдущего обсуждения принципов классификации. Однако данная оговорка накладывает жесткую дисциплину: отклонение гипотезы не является критикой. Задача научной критики существующего знания состоит в построении альтернатив. Поэтому критик должен не просто указывать на недостатки существующей или предлагаемой системы, которых немало, но и предлагать иной практический способ представления фактов, а также иной теоретический анализ этих фактов.

Некоторые основные факты современной промышленной конъюнктуры

Источник: Международная организация труда, Бюро статистики труда, расчеты автора

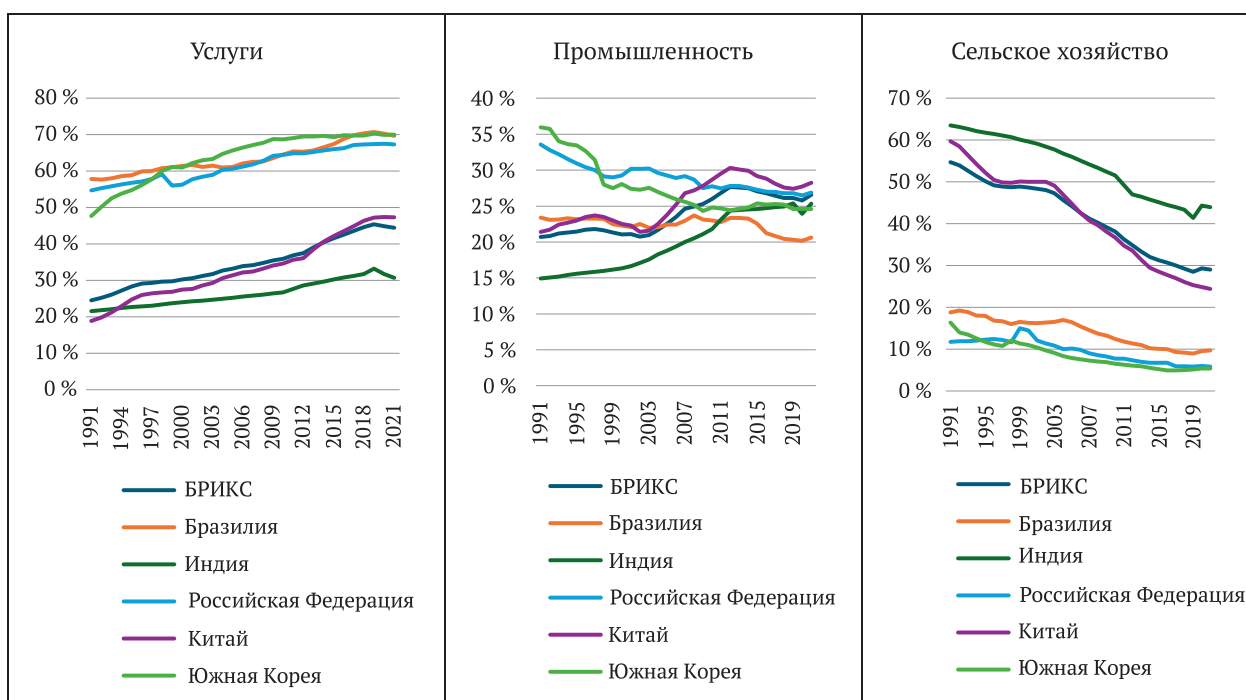
Первый момент – это *абсолютная* тенденция к вытеснению всех других источников занятости производством услуг. В странах Глобального Севера, они же «передовые» страны МВФ или, точнее, империалистические страны, этот процесс более или менее завершен. Сегодня *ни в одной* из этих стран занятость в сфере услуг не опускается ниже 70 %, а в промышленности не поднимается выше 30 %.

Второй момент – *дифференцированная тенденция* вытеснения сельского хозяйства сочетанием промышленности и сферы услуг, которая, как мы увидим, не противоречит первой

Фриман А.

тенденции. Она дифференцирована как географически, так и исторически. «Индустриализация» – это географически конкретная точка конъюнктуры, которая варьируется от страны к стране, даже среди несевверных стран. Так, с 1990 года по настоящее время занятость в промышленности резко выросла в Китае, Индии и Бразилии¹, но с 2010 года (хотя об этом пока рано говорить наверняка) они присоединились к общей схеме, которая, таким образом, становится мировой моделью, и при которой промышленность абсолютно, а не только относительно, вытесняется услугами.

Доля рабочих мест в сфере услуг, промышленности и сельском хозяйстве в ключевых странах и регионах за пределами Глобального Севера(более короткие сроки)

Таким образом, возникает общая гипотеза, на которой основана данная статья и большая часть наших предыдущих работ [Freeman, 2014]: конъюнктура такова, что услуги вытесняют промышленное производство как абсолютно, так и относительно во всем мире.

Как не ошибиться с фактами: осязаемость, услуги, ментальные объекты и концепция производства

Приведенные выше выводы часто кажутся парадоксальными для простого человека, впервые столкнувшегося с ними. Конечно, ведь мы живем в мире индустриального изобилия, окруженные чудесными механическими и электрическими устройствами и всевозможными заводами. И ведь наверняка сейчас в мире создается больше промышленной

¹ В результате освободительных войн Китая и Южной Кореи, Корея была уготована роль буферного государства, и в 1950-1960-е годы она была вынуждена – за счет значительных социальных издержек – быстро индустриализоваться и войти в избранный клуб «передовых» стран. В результате в настоящее время в нем наблюдается характерное для этого клуба вытеснение промышленности услугами.

продукции, чем когда-либо прежде. Как же тогда «промышленность» может находиться в упадке? И чем именно занимаются 150 млн американских «работников сферы услуг»?

Это непонимание приводит ко многим необоснованным выводам [Elliott, Atkinson, 2007] – в частности к идее о том, что труд в сфере услуг в некотором смысле непроизводителен. Это ложное представление, берущее начало в попытке Смита определить производство как создание «осязаемых объектов», было исправлено в XIX веке Марксом. Он справедливо заметил, что учитель в частной школе создает стоимость для владельца школы, который действует как капиталист, продавая свои услуги родителям богатых учеников. Это прямое соотношение заработной платы, при котором частный учитель создает прибавочную стоимость и, следовательно, прибыль для владельца. Таким образом, между производством услуг и промышленным производством нет принципиальной разницы с точки зрения производительного характера. Истинное различие заключается в социальных отношениях, управляющих производственным процессом.

Действительно, работник государственного производственного предприятия, если оно функционирует не на основе прибыли, а на основе потребностей (как, например, неприватизированная система общественного транспорта), является непроизводительным с капиталистической точки зрения, поскольку в этом случае собственник не сохраняет и не накапливает излишек капиталистическим способом. Вот почему в советской экономике, где излишки распределялись государством, а не механизмом миграции капитала в поисках прибыли, большая часть «производства», в строгом смысле, требуемом для анализа рыночной экономики, была непроизводительной: она не создавала капитал.

Однако существует и другая причина интуитивного замешательства, возникающего из-за нерелексивного усвоения вышеизложенных фактов. Это не требует от нас вступления в сложную дискуссию о том, что такое производство применительно к нематериальным объектам (она является темой следующего раздела), а требует лишь признать парадоксальный факт, на который Маркс, опять же, первым обратил внимание и фактически квалифицировал как закон движения капитализма: *чем более производительной становится отрасль промышленности, тем меньше людей требуется для работы в ней.*

Этот социальный закон является неотъемлемой частью основного закона стоимости, который заключается в том, что по мере роста производительности труда для производства одной и той же вещи требуется все меньше людей. Это выражается в устойчивом снижении цен. Цена на продукцию любой отрасли, в которой происходят инновации и, соответственно, растет производительность труда, несмотря на подъемы и спады, как правило, следует исторической тенденции, определяемой необходимым для производства этой продукции количеством рабочих. Именно этим объясняется очень длительное снижение *цен* на сельскохозяйственную продукцию, которое сопровождается столь же длительным снижением уровня *занятости* в аграрном секторе и вызывает это снижение. Это всего лишь зеркальные отражения друг друга.

Поэтому, пусть даже мы будем спорить об этом, если это необходимо или имеет практическую пользу, но снижение уровня *занятости* в промышленности – долгосрочную тенденцию всего современного общества, будь оно капиталистическое или социалистическое, – ни в коем случае нельзя путать со снижением роста *промышленного производства*. Противоречие в том, что рост промышленного производства более или менее происходил синхронно с сокращением уровня занятости в промышленности. Это всего лишь социаль-

ное выражение частного закона накопления капиталистической рыночной экономики, заключающегося в том, что в ряде отраслей промышленности уровень занятости падает по мере роста производительности труда.

Ноономика таким образом является естественным завершением этого процесса, в котором пределы роста производительности труда как механизма социального прогресса выражаются в неспособности промышленности обеспечить средствами к жизни большинство населения посредством заработной платы. Проще говоря, у промышленности больше нет достаточного количества работников для этого.

Наконец, прояснение этой иллюзии, необходимое для адекватного фактологического анализа тенденций, на которые призвана реагировать ноономика, обязывает нас вернуться к табуированной теме *стоимости*. Основным явлением, лежащим в основе описанных выше тенденций, является снижение стоимости промышленной продукции, которое лишь отслеживает ее цены. Но что это за стоимость и как ее измерить? Неоклассическая экономика опирается на понятие так называемой «реальной стоимости», которая претендует на роль меры физических величин, но по сути является замаскированной попыткой построить совокупную меру их потребительной стоимости. Для Маркса и его предшественников стоимость в самом общем смысле – это мера Смитовской «трудности получения вещи», то есть человеческих усилий или труда, необходимых для ее создания.

Современная экономическая статистика в большей или меньшей степени парализована тем очевидным фактом, что *количество* ментального продукта невозможно измерить *как таковое*. Оно может быть оригинально количественно оценено на рынке, например, путем продажи билетов или (как в современной индустрии программного обеспечения) путем продажи «программного обеспечения как услуги», но это не решает проблему объективного определения того, «сколько» музыкального исполнения дает билет пользователю, или «сколько» копий программного обеспечения дает подписчику оформление подписки.

Это не ставит умственное производство вне контроля, как утверждают консервативные защитники искусства, такие как Туса [Tusa, 2014], отстаивающие «искусство ради искусства». Общество вправе спрашивать у своих производителей умственного труда, какие блага оно получает от них, и таким образом рационально и, более того, демократично распределять ресурсы в соответствии с различными конкурирующими требованиями, предъявляемыми к нему этими производителями. Однако это говорит нам о том, что стандартные показатели выпуска продукции, используемые при составлении экономической статистики, безвозвратно укоренившиеся в представлении о физической величине как высшей мере полезности, становятся все более непригодными для этой цели. Следовательно, справедливой целью исследования является создание показателей *социальной* полезности, над которыми люди могут осуществлять демократический контроль.

Основы машинокрайтической иллюзии

Человек, который изобрел паровой бур,
Думал, что он очень хорош,
Но Джон Генри прошел пятнадцать футов,
А паровой бур прошел только девять, Боже, Боже,
Паровой бур пробурил только девять

Джон Генри работал молотком в горах
Его молот высекал огонь
Но он работал так усердно, что разбил свое бедное сердце
Он отложил свой молот и умер, Боже, Боже
Он отложил свой молот и умер.

Американская народная песня

Иллюзия того, что производство заключается в изготовлении материальных продуктов, пронизывает современное мышление. Это постоянно воссоздает характерную для товарного фетишизма иллюзию, что единственной истинной формой товара является физический объект, а единственным источником его стоимости – машинное оборудование. Это идея является античеловеческой: она отрицает вклад человеческого труда в производство, возвышая капитал, то есть собственность, прежде всего собственность на машины, над трудом, который ее оживляет.

Исторический материализм объясняет, что причиной этой иллюзии является свойство продуктов машинной индустрии – из всех товаров они наиболее приспособлены для превращения в частную собственность. Они обладают характеристикой, которую неоклассическая микроэкономика признает как «исключаемость», которая в конечном итоге является функцией способа использования физического объекта. Архетипической формой исключаемого продукта является еда – один пищевой продукт может съесть только один человек. На самом деле, из этого становится неясным, как, например, дома занимают люди, которые совместно используют их на основе нерыночных принципов. Теоретически автомобили могут «использоваться» только водителем, однако большинство автомобилей перевозят разное количество людей. Действительно, автопарки представляют собой фундаментальную и значительную меру по социализации транспорта, в то время как было бы безумием ограничивать использование автобуса – такого же физического средства передвижения, как и автомобиль – только одним человеком.

Неолиберальные мыслители высмеивают это с откровенно ребяческой критикой, например, идеей о том, что зубной щеткой может пользоваться только один человек. Они упускают суть: природа физического объекта заложена в том, что его свойства *ограничивают количество возможных пользователей*, что позволяет капиталистам ограничивать и отчуждать это использование, например, когда они продают билеты на футбольный матч или поездку на поезде.

Но справедливо ли это в отношении услуг? В некоторых случаях – да, а в некоторых случаях нет, поэтому категорию производства услуг необходимо «деконструировать». Архетипическая исключаемая услуга, по сути, является продолжением феодальной категории личного крепостного права, поэтому бытовое рабство не только сохраняется в современную эпоху, но и разрастается, и имеет постоянную тенденцию к перерастанию в формы патриархального рабства. Транспорт является промежуточной категорией, поскольку использование всех логистических систем ограничено, в конечном счете, физическими возможностями. Если бы транспорт был неисключаемой услугой, то не было бы необходимости строить железные и автомобильные дороги, самолеты, не говоря уже о введении международных стандартов на их предоставление.

Напротив, на противоположном конце спектра исключаемости находятся те объекты, которые профессора Бузгалин и Колганов относят к «креатосфере» [Бузгалин, 2017а, Буз-

галин, 2017b, Buzgalin, Kolganov, 2013], которые также принадлежат в более общем смысле к *ноосфере* Вернадского [Vernadsky, 1945] и Шардена. Это то, что Фриман [Фриман, 2021] называет «ментальными объектами» – традиционно продукты художественной, научной или другой умственной деятельности, но сегодня приобретающие гораздо более широкое распространение как истинный продукт творческих индустрий.

Ментальный объект можно рассматривать примерно, как «содержание» продукта. Он состоит из любой полезной сущности, которая существует независимо от своей материальной формы. Таким образом, стихотворение или научная теорема могут существовать на бумаге, в устной форме, в мозгу поэта или его слушателей, в навыках технических специалистов или – что особенно важно в современном производстве – в оцифрованном виде.

Роман Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» был ранним глубоким исследованием этого феномена, когда все книги были сожжены, но сообщества повстанцев сохранили их содержание в своей памяти. Не исключено, что наступит «451 градус по Фаренгейту» для XXI века, когда цензура становится нормой доступности в Интернете, а подавление – нормой производства в Интернете. Все, что произошло – так это то, что кремний и волокно заняли место бумаги и чернил.

Независимость от материальной формы рассматривается Фриманом [Фриман, 2021] как характеристика ментального объекта. Сегодня «кинофильм» больше не представляет собой катушку целлулоидной пленки, так же как книга не является переплетенной пачкой бумаги или музыкальное произведение не является отпечатком на компакт-диске или записью на пленке кассеты. Из этого вытекают два следствия, важные для данной работы и «ноономики» в целом. Они должны пониматься вместе.

Во-первых, рыночные отношения принципиально не способствуют производству и широкому доступу к ментальным объектам. Это связано с тем, что для продажи объекта необходимо ограничить доступ к нему. Прежде всего это ощущается социальными критиками в сфере потребления: это противоречит и справедливо критикуется как *отрицание права*: математические теоремы находятся в свободном доступе, и было бы абсурдно и непрактично, наказывать за использование теоремы Пифагора без выплаты ему гонорара. Однако этот абсурд свободно практикуется, когда речь идет о научных методах производства, литературной или музыкальной продукции.

В постмеханическую эпоху все больше затмевается еще более масштабное и фундаментальное противоречие в сфере *производства*. Впервые оно было отмечено фон Мизесом и остается канонической чертой австрийской экономики в ее чистом виде: интеллектуальная собственность представляет собой ограничение торговли, и именно поэтому наиболее последовательные неолибералы фактически выступают против нее. Не обращая внимания на это противоречие, США в 1990-е годы, проведя Уругвайский раунд переговоров ГАТТ, создав Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС) и навязав ее условия только что созданной Всемирной торговой организации (ВТО), не только осуществили, но и навязали миру реконструкцию интеллектуальной собственности как *монополистического* института. Это объединило институты патентного и авторского права. И установило 70 лет как нормальный срок жизни¹. Самым главным явилось то, что это

¹ Неслучайно «трижды двадцать и десять лет» – это авраамический и библейский срок жизни человека – гарантирует, что интеллектуальная собственность принадлежит корпоративным субъектам, а не людям.

юридически санкционировало ключевое использование интеллектуальной собственности в американском капитализме, которое заключается не в *распространении* знаний или идей, а в *предотвращении* их распространения с целью поддержания технологической монополии.

Можно с полной уверенностью утверждать, что в основе нынешнего конфликта между Китаем и США лежит ключевое различие в использовании знаний, которое, в свою очередь, приводит к идеологическим различиям в концепции интеллектуальной собственности (ИС). По мнению США, ИС по своей сути является частной, и общество должно предоставить ее частным владельцам неограниченные монопольные права. Для Китая же ИС – это форма общественной собственности, которой частные владельцы пользуются по усмотрению государства при соблюдении нескольких условий, главным из которых является демонстративное распространение знаний. Таким образом, с точки зрения Трампа, Китай «крадет» американские технологии всякий раз, когда совершает преступление, позволяя своим производителям использовать их.

Это «воровство» происходит в своего рода интеллектуальном Шервудском лесу. Китай – это Робин Гуд креативной эпохи: он стремится только к тому, чтобы бедные имели то, чего у богатых слишком много, одновременно освобождая богатых от бремени богатства и избавляя бедных от его отсутствия. Но в век умственного производства противоречия нет, или, вернее, противоречие иллюзорно. Богатые могут получить свою часть интеллектуального пирога и съесть ее: никто не предлагает им прекратить использовать свои технологии, предлагается лишь перестать отказывать другим, в равной степени заслуживающим части этого пирога, т.е. в их законном месте на празднике раздачи подарков.

Но это возвращает нас к вопросу, который мы задали в начале этого раздела. В каком смысле создание ментального продукта является актом производства? Критики этого понятия могут считать и утверждать, что нематериальная и бесконечно воспроизводимая вещь не может рассматриваться как товар, поскольку – в конечном счете – они не видят у таких вещей применения. Но если технологические знания бесполезны, то как их может использовать Китай и почему США стремятся монополизировать их? Почему миру угрожает мировая война из-за такой бесполезной вещи?

Все вышесказанное указывает на одно направление: необходимость деконструкции категории производства услуг и ее реконструкции на основе концепции или концепций социальной, а не частной полезности. Центральное место в такой реконструкции занимает идея о том, что мы должны выработать приемлемую концепцию полезности продуктов умственной деятельности¹.

¹ Во всех рассуждениях о полезности или потребительной стоимости от Бентама до Маркса предполагается, что полезность вещи (в отличие от ее обменной стоимости) является характеристикой самой вещи, иначе Маркс не мог бы написать: «Возьмем два товара, например один сюртук и 10 аршин холста. Пусть стоимость первого вдвое больше стоимости последних, так что если 10 аршин холста = w , то сюртук = $2w$ ». Здесь сюртук есть единица потребительной стоимости *рода* сюртук, тогда как аршин – единица потребительной стоимости *рода* холст. При этом абстрагируются любые различия между более желанными и остальными сюртуками или высококачественным и низкокачественным холстом, например, склонность к разрыву и, соответственно, помехам в производстве. Это закономерная абстракция, но в сфере культуры вопрос «кто определяет, что полезно?» нависает над ней и выходит на первый план. Буржуазное общество обычно навязывает особую концепцию того, что представляет собой «хорошее искусство» [Бельфиоре, Беннет, 2008]. Но это спорный вопрос: было ли искусство импрессионистов до его всеобщего признания бесполезным, потому что галереи отказывались его выставлять?

Умственное производство и структура услуг

В чем заключается «обслуживающий» труд? Его главной отличительной особенностью, как уже говорилось, является то, что его результаты *нематериальны* – они не состоят из материальных объектов. Однако это не означает, что весь обслуживающий труд одинаков, поэтому категория должна быть «деконструирована» и реконструирована. Предварительная попытка сделать это предполагает три различные формы деятельности:

• **«Отдел услуг I»: производит умственные средства производства услуг. Иногда их называют «B2B» или «бизнес для бизнеса», в том числе:**

– Программное обеспечение *как таковое*.

– Коммуникационные и логистические услуги для промышленности.

– Коммерческие услуги для бизнеса в целом. Это действительно довольно большой сектор, который часто ошибочно путают с финансовым. Сюда входят, например, архитектура, проектные услуги, большая часть научно-технических индустрий, включая ту ее часть, которая занимается продажей и разработкой методов и технологий.

• **«Отдел услуг II»: производит или преобразует услуги, продаваемые потребителям. Иногда называется деятельностью в сегменте «B2C» (бизнес для потребителя):**

– Значительным сектором является, в частности, «Транспорт», который наиболее близок к обрабатывающей промышленности и другим формам материального производства, поскольку, перемещая товары и храня их, он функционирует как «продолжение промышленного производства в торговлю».

– Большая доля «тяжелого» низкооплачиваемого и низкоквалифицированного труда, который, по сути, является коммерциализированным подневольным трудом. Здесь мы видим уборку офисов, Amazon, Starbucks и многие предприятия в авангарде новой профсоюзной деятельности.

– Растущая масса преимущественно высококвалифицированной рабочей силы для оказания дорогостоящих услуг населению, в частности, образования и здравоохранения. Они подвергаются постоянному давлению с целью снижения заработной платы и ухудшения условий труда, будучи организованными по индустриальному принципу, но в силу наличия необходимых навыков обладают определенным переговорным потенциалом.

– **Быстрорастущий сектор продажи продуктов, которые покупают из-за их содержания, а не их физической формы. Это одна из частей креативной экономики.**

• **Непроизводительный труд в торговле, финансах и недвижимости:**

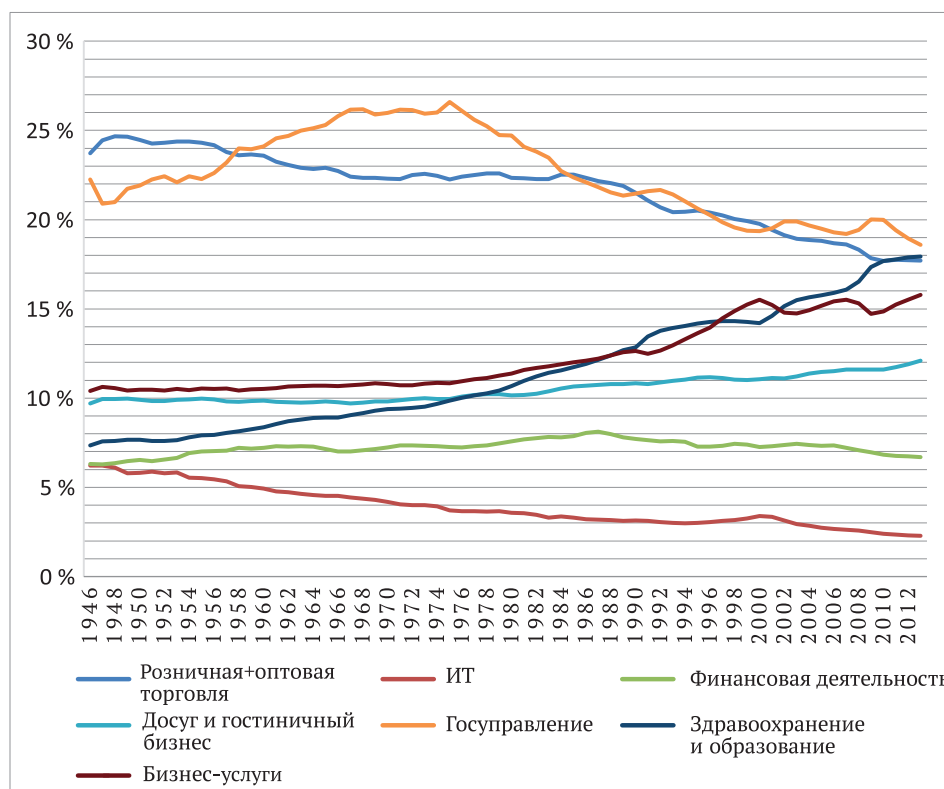
– Сюда входят почти все банковские услуги и почти вся розничная торговля, а также производственные элементы, о которых речь пойдет ниже. Этот труд непродуктивен *не* потому, что его результаты нематериальны, а потому, что их не покупают и не продают как товар.

– В случае с финансами это очевидно, поскольку финансовая прибыль возникает в результате взимания своеобразного сбора (процентов или ренты).

– В случае с розничной торговлей все не так однозначно, поскольку здесь продукция продается потребителям. Однако сам акт взимания платы с потребителя за товар, приобретенный в другом месте, не создает новой стоимости, а приносит прибыль, возникающую в результате общего процесса выравнивания, поскольку производительным капиталистам дешевле продать товар специализированному посреднику, чем заниматься продажей населению.

– Сектор аренды и недвижимости практически полностью носит спекулятивный и непроизводительный характер.

Занятость в каждом секторе сферы услуг
в проценте от общей занятости в сфере услуг в США

В современных направлениях сектора услуг все они смешаны в полубезумной манере, но, опустившись достаточно глубоко в подкатегории направлений, можно понять, что же происходит на самом деле. Некоторое представление об относительных масштабах этих видов деятельности можно получить из статистики, представленной США и приведенной выше. Но они не очень информативны вследствие вышеописанной путаницы, однако позволяют развеять некоторые иллюзии и наталкивают на размышления.

Во-первых, очевидно, что рост услуг никак нельзя отождествлять с ростом финансового и розничного секторов *в плане занятости*. Обе эти отрасли достигли пика занятости в середине 1970-х годов и с тех пор снижаются. Это может показаться нелогичным, поскольку финансы сегодня занимают гораздо более доминирующее положение в экономике США, чем в 1970-е годы, – ведь это был этап истории, в котором «финансизация» сыграла огромную роль.

В этом случае различие между объемом производства и занятостью является актуальным и принципиальным. *Прибыль и доходы* финансового и розничного секторов, именно потому, что они оторваны от кругооборота производительного капитала, мало связаны с затраченным ими трудом. По сути, финансист может получить любые проценты, которые он только может выжать из своих кредиторов, а когда они состоят не только из ненадежных держателей ипотечных кредитов, но и из целых стран, обремененных долгами, таких как Аргентина, это огромные суммы. Соотношение между стоимостью и доходом в этих

отраслях проявляется только в кризис, когда огромные объемы переоцененных фиктивных активов, построенных на предположении, что кредитора можно «выжимать» без конца, рушатся в такие моменты до уровня, приближающегося к реальной прибавочной стоимости, которую реально можно взыскать.

В то же время, именно в силу прибыльности этого вида деятельности, финансовый и коммерческий секторы находятся в авангарде инноваций – например, совместно с военными они были движущей силой информационной революции вплоть до появления Интернета и всемирной сети, впоследствии.

Это приводит к еще одной путанице: предприятия, например, производители компьютеров или поставщики программного обеспечения, которые продают товары банкам или розничному сектору, производят стоимость. Компьютер, как и компьютерное приложение, продается за реальные деньги, соответствующие реальному труду по его созданию. Этого не меняет тот факт, что данный продукт непроизводительно используется банком, которому он был продан.

В этом отношении очевидное снижение занятости в «информационном» секторе является ошибкой классификации. Она возникает, потому что большая часть труда информационной революции относится к категории бизнес-услуг.

Отсюда вытекает второе наблюдение: стремительный рост занятости в сфере деловых услуг нельзя отождествлять с ростом непроизводительного финансового сектора. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это не одно и то же. Поэтому не следует поддаваться искушению игнорировать этот рост как своего рода паразитический отросток.

В-третьих, что касается сектора услуг, ориентированного на потребителя, то здесь выделяются два факта: поразительный рост здравоохранения и образования, а также «досугового и гостиничного бизнеса». Последние составляют основную часть креативных индустрий, ориентированных на потребителя. Не следует также пренебрегать первым, поскольку оно, как мы увидим далее, составляет часть «инфраструктуры» творческого производства, а именно оно предоставляет творческим работникам человеческие средства для творческой деятельности – оно дает волю тому, что Блейк назвал «тиграми гнева», которых он противопоставил «клячам наставления».

Наконец, в-четвертых, и это самое главное, накладывается разделение, которое не признается в отраслевых направлениях: *умственная составляющая труда в сфере услуг систематически смешивается с его ручной составляющей и постоянно недооценивается классами работодателей.*

Например, «труд преподавания» неотделим от включения знаний в специализированную практику педагога, как и труд по обеспечению здоровья. Однако наши общества систематически недооценивают то внимание, которое необходимо уделять процессу закрепления этих знаний в мозгах учителей, медсестер и врачей¹, и пытаются снизить как их заработную плату, так и выделяемые на их образование средства до минимально возможного уровня, учитывая трудовые отношения в соответствующих отраслях.

¹ Как уже отмечалось, на самом деле под «передачей знаний» понимается предоставление невежественным получателям этих «знаний» со временем и средствами для их усвоения, что на самом деле сводится к очень простому акту предоставления им времени для этого. То есть настоящий вопрос – это труд по приобретению навыков. Это так же связано с передачей «знаний», как плавание связано с академическим изучением водных видов спорта. Конечно, спортсмен-чемпион может многому научиться у психологов, лингвистов и анатомов. Но человек, который может плавать, не заходя в воду, действительно был бы чудом.

Действительно, само понятие отраслей «ручного» и «умственного» производства, выраженное в фабианском понятии «работники рук или мысли», игнорирует основные факты того, из чего состоит труд, а именно координацию рук с мозгом. *Всякий* труд целенаправлен, и, следовательно, всякий труд содержит неотделимую умственную составляющую. Действительно, в более ранние времена, чем нынешний механический век, умственные способности ремесленников были широко признаны и легли в основу системы гильдий. Шекспир высмеивает своих «грубых механиков» за попытку поставить театральные пьесы, но сам факт этой попытки представляет собой театральное признание их творческих устремлений, которые исчезли с приходом современного промышленного производства.

Современники производителей на заре механической эры прекрасно понимали, что разделение умственного и ручного труда не является биологически заданным и, более того, не существовало до этой эпохи. Оно было навязано производителями.

Томас Карлайл формулирует это следующим образом: «Если бы нам потребовалось охарактеризовать наш век каким-либо одним эпитетом, мы бы склонились к тому, чтобы назвать его не героическим, не религиозным, не философским, не нравственным, а прежде всего механическим.

Это век техники, во всех внешних и внутренних смыслах этого слова; век, который со всей своей безраздельной мощью развивает, учит и практикует великое искусство приспособлять средства к целям. Теперь ничего не делается напрямую, вручную – все делается по правилам и с расчетливой изобретательностью. Для простейшей операции уже всегда наготове несколько помощников и сопровождающих, а также какой-нибудь хитроумный сокращающий процесс.

Все наши прежние способы деятельности дискредитированы и отброшены в сторону. Повсюду живого мастера выгоняют из мастерской, чтобы освободить место более быстрому, неодушевленному. Ткацкий челнок выпадает из пальцев ткача и попадает в «железные пальцы», которые работают им быстрее. Моряк сворачивает парус, откладывает весла и просит сильного, неутомимого слугу на воздушных крыльях нести его по водам.

Люди пересекли океаны на пароходе; Огненный король из Бирмингема посетил сказочный Восток; и гений мыса Доброй Надежды, если бы нашёлся новый Камоэнс воспеть его, снова был встревожен, причем куда более странными громами, чем те, что сделал да Гама.

Обилию и разнообразию машин нет конца. Даже с лошади снимают сбрую, а вместо нее запрягают быстроходного «огненного скакуна». Что уж там, у нас есть художник, который выводит цыплят при помощи пара; сама наседка должна быть заменена! Для всех земных, да и для некоторых неземных целей у нас есть машины и механические приспособления – для измельчения капусты, для погружения в магнитный сон» [Carlyle, 1829].

Одним словом, категория «ручного труда» не является биологическим различием, а навязывается специфической формой производства, а точнее массовым повторяющимся или механическим производством. Средством, с помощью которого капиталистическое промышленное производство совершало революцию за революцией в производительности труда, было использование машин для производства множества одинаковых вещей. В войне, созданной людьми против собственных машин, если она ведется за простое количество, машины не могут не победить. Джон Генри всегда проиграет свою эпохальную и мифическую битву с паровым молотом.

Понятие ментальных объектов

Точно по тем же причинам, по которым «ручной труд» является конструкцией промышленной механизации, а не врожденной биологической функцией труда, «умственный труд» также является конструкцией. Поскольку это конструкция, она не является аналитически полезной, так как в природе труда не заложено такое разделение. Всякий труд сочетает в себе ручную и умственную стороны, и действительно, Энгельс характеризует использование орудий труда как движущую силу развития мозга. Пещерная живопись относится к самым ранним временам существования человека, и представление о каком-то «периоде истории», когда человек должен был посвятить себя чисто биологическим или «зоологическим» аспектам своего существования, является исторически неверным. На самом деле отделение умственного труда от ручного не только искусственно навязано, но и возникло недавно: оно берет свое начало в механической эпохе.

Отсюда следует, что необходима более фундаментальная аналитическая конструкция. Это достигается путем постановки вопроса о том, что является *результатом* труда. Рациональное ядро в понятии «умственный и ручной труд» – это различие не в характере труда, а в его результатах, в продукте. На протяжении большей части истории человечества эти продукты носили осязаемый характер. Это позволяет более точно охарактеризовать современный этап технологического развития, который мы предпочитаем понятию «экономика инноваций» по многим причинам, не требующим подробного изложения: определяющей чертой данного этапа, является быстрый рост и, более того, массовизация производства нематериальных объектов.

Как уже отмечалось, категория «услуга» не отражает этого различия должным образом. Вопрос заключается в том, существует ли произведенный объект, независимо от его материальной формы. Например, как это происходит с компонентом программного обеспечения, а также с более ранними примерами ментальных продуктов или объектов, таких как книга, теорема, научное открытие, в сущности, объекты, живущие в «креатосфере» Бузгалина и Колганова.

Не весь умственный труд является творческим, и действительно, творческое производство существует в более широкой «сфере распределения и воспроизводства», в которой задействована значительная часть значительно большей рабочей силы, отвечающей за материальные аспекты его воспроизводства. Можно долго говорить о том, что содержание книги существует независимо от ее печатного издания, но попробуйте прочитать книгу, которая больше не издается, недоступна в Интернете и не находится на полках вашей местной библиотеки, и вы внезапно осознаете, что это «содержание» представляет собой неуловимого магического зверя. Независимость от *конкретной* материальной формы нельзя отождествлять с иллюзией, что ментальный объект не нуждается в воплощении в *какой-либо* материальной форме.

Именно по этой причине лично я с подозрением отношусь к понятию «экономика знаний», поскольку, *согласно* неоклассической теории роста, знания не существуют независимо от людей, обладающих знаниями. Это человек и его деятельность – а именно характер того, что он производит, – определяют технологическое состояние экономики.

Другими словами, точное определение нынешней эпохи, наиболее подходящее для нашей цели, – это эпоха *массового обращения ментальных объектов*, где под «обращением» подразумевается не только их производство, что является специфической функцией творческого труда, но и его *воспроизводство и применение*. Термин, который мы предлагаем для описания этой совокупности, – это «ментальная экономика», которая в отличие от «нооно-

мики» относится к чисто техническому состоянию экономики, а не к способам ее использования. Мы предлагаем использовать этот термин вместо «экономики инноваций».

Труд созидания существует параллельно с трудом *воспроизводства и применения*. Он со-зависим с ними и находится с ними в глубоких отношениях сотрудничества. Для того чтобы учесть эту взаимозависимость, ее нужно признать и измерить. Поэтому в рамках исследовательского проекта предлагаем расширить сферу существующих запросов, а потому определить и измерить труд, затрачиваемый на воспроизводство и применение ментальных продуктов. Сюда можно отнести, например, значительную часть научного труда, который в целом занят не открытием, а техническим применением уже сделанных открытий¹. В этом случае численность рабочей силы, определяемая таким образом, составит около 30% рабочей силы так называемой «развитой» страны [Bakhshi, Davies, Freeman, 2015], что показывает, какое место занимает этот ресурс в существующем обществе, не говоря уже о той роли, которую он мог бы играть в обществе, организованном в соответствии с принципами ноономики.

Культивирование этого ресурса должно быть главной целью любой серьезной современной промышленной политики. Именно поэтому необходимо выяснить, кто является работниками, занятыми производством и воспроизводством таких объектов, как развиваются и поддерживаются их возможности и как использовать этот огромный современный ресурс на благо человечества.

Творческий труд: что это такое и как его измерить

Креативное производство, тем не менее, является специфическим компонентом ментального производства, связанным прежде всего с *порождением*, то есть с появлением на свет новых ментальных объектов. В силу этого оно классифицируется статистиками в текущей практике как составляющая труда в сфере услуг. Однако оно «закопано» в отчетах, которые не классифицируют его отдельно. Перейдем, наконец, к *деконструкции* специфической составляющей того, что сегодня классифицируется как производство услуг.

Исследовательские проекты, в которых предпринимались попытки классифицировать ментальное производство, возникли еще в понятии экономики «знаний» или «постиндустриальной» экономики [Bell, 1976]. Параллельно с этим в разное время в литературе предпринимались попытки проанализировать «экономику услуг». Попытки измерить «ценность искусства» восходят к спорам викторианской эпохи, разделявшим социалиста Джона Рёскина, предлагавшего, чтобы ценность художественного продукта основывалась на социальной оценке художественных возможностей труда художника, и такого же социалиста Оскара Уайльда, настаивавшего на том, что истинная оценка творчества художника не может основываться на социальном одобрении.

Современные работы по креативной экономике отличаются от всего вышеперечисленного тем, что в них ставится задача выявления *способности умственного производства приносить богатство*.

Несколько дискредитированной, но, тем не менее, известной такой попыткой является работа Флориды, который разработал понятие «креативного класса» – очень широкой кате-

¹ Никакой «иерархии» не подразумевается, и, конечно, многие (если не большинство) новых открытий возникают в процессе применения старых. Вопрос, как было указано с самого начала, всегда таков: какова специализация труда? Тот факт, что оркестры нанимают людей для игры на фортепиано, не мешает этим музыкантам сочинять оркестровые произведения, а, наоборот, способствует этому. Тем не менее, «профессия» такого исполнителя – «пианист», а не «композитор».

гории, включающей управленческих работников, творческих работников, научных работников и многих других, в некоторых случаях составляющих почти половину работающего населения. Сложность такого разрозненного подхода аналогична представлению о том, что в физиократическую эпоху все горожане представляли собой производительных рабочих.

Вторая работа, которой уделяется мало внимания, – это исследование Ричарда Кейвза, посвященное договорным отношениям в творческих отраслях, которое проливает важнейший свет на способы создания богатства, прежде всего на кооперативный характер сотрудничества в них.

Истоки того, что мы, не желая обидеть Флориду, можем назвать научным изучением творческих индустрий, лежат в австралийском проекте «Творческая нация» и исследованиях, проведенных в Технологическом университете Квинсленда (QUT). Они вдохновили министра Великобритании Криса Смита, по инициативе которого его ведомство составило «карту» креативных индустрий Великобритании, включающую перечень *профессий и отраслей*, считающихся творческими.

Затем Фриман, работая в Администрации Большого Лондона, по просьбе мэра Лондона подготовил документ под названием «Творчество: Основной бизнес Лондона», который привел к длительному сотрудничеству между ним, Питером Хиггсом из Технологического университета Квинсленда и Хасаном Бахши из британского аналитического центра NESTA (Национальный фонд науки, технологии и искусств), разработавшим так называемый метод *интенсивности* для определения и количественной оценки творческих отраслей. Впоследствии этот метод был принят Департаментом цифровых технологий, культуры, медиа и спорта и рядом европейских институтов.

Суть метода интенсивности была раскрыта в основополагающей работе NESTA «Динамическое картирование творческих отраслей» [Bakhshi, Freeman, Higgs, 2013] и может быть достаточно просто объяснена с помощью таблицы, взятой из этого документа и приведенной ниже.

Таблица 1
Интенсивность в секторах цифровых технологий, культуры, медиа и спорта
(оценка за 2011 год)

		Творческие	Другие профессии	Всего	Доля
1.	Реклама	45 900	69 400	115 300	40%
2.	Архитектура	67 300	36 200	103 500	65%
3.	Искусство и антиквариат	500	8 300	8 800	6%
5.	Дизайн	56 400	42 100	98 500	57%
6.	Дизайнерская мода	3 700	2 900	6 600	56%
7.	Кино-, видео- и фотосъемка	28 700	29 500	58 200	49%
9 и 10.	Музыка, изобразительное и исполнительское искусство	138 400	52 800	191 300	72%
11.	Издательская деятельность	71 300	111 500	182 700	39%
8 и 12.	Программное обеспечение / Публикации электронных документов	900	22 300	23 200	4%
8 и 12.	Цифровые и развлекательные медиа	2 000	11 200	13 200	15%
13.	Телевидение и радиовещание	61 700	34 200	96 000	64%
Всего		476 800	420 500	89 7300	53%

Таким образом, исследователи в этой области выделяют конкретные подотрасли, такие как «производство ювелирных изделий», подсчитывают занятость в каждой из них, а затем суммируют их¹. Так, например, большинство авторов определяют «видеоиндустрию» как сумму следующих трех компонентов бизнес-классификации:

Код бизнес-классификации 9211: Производство кинофильмов и видеопroduкции
Код бизнес-классификации 9212: Распространение кинофильмов и видеопroduкции
Код бизнес-классификации 9213: Демонстрация кинофильмов.

Кроме того, определение «Интенсивность» *также*, и на самом деле, *в первую очередь*, рассчитывает занятость в ряде творческих профессий. «Интенсивность» занятости в любой конкретной подотрасли промышленности – это просто доля творческой рабочей силы, если определять ее таким образом. Творческие отрасли определяются как отрасли, в которых эта интенсивность особенно высока – как правило, более 30%, что в 12 раз выше, чем в нетворческих отраслях.

Определив таким образом творческие профессии и творческие отрасли, мы можем составить краткую «карту» производственного потенциала творческой рабочей силы, которую, как уже упоминалось, исследователи в этой области [Higgs, Cunningham, 2008] обозначают как «трезубец». В первом ряду показана численность всей рабочей силы, занятой в творческом производстве, и распределение занятых в творчестве работников внутри этой сферы. Во втором ряду показан размер нетворческих отраслей, которые также являются работодателями некоторых творческих профессий, и вновь приведено распределение работников, занятых творческими и нетворческими профессиями в этих отраслях.

Таблица 2
Занятость в креативной экономике

	Профессия			Интенсивность (творческая занятость/ общая занятость в отрасли)
	Творческие профессии	Другие профессии	Всего в данной отрасли	
Творческие профессии	476 800	420 500	897 300	53%
Другие профессии	600 900	27 622 800	28 223 700	2%
Всего в данной отрасли	1 077 700	28 043 300	29 121 000	4%

Источник: Creative Industries Economic Estimates Full Statistical Release, 8 Dec. 2011, P. 28.

Что же именно такое творческий труд?

Творческий труд в данном случае – это ресурс, не отрасль разделения труда, а совокупность группы специализированных профессий. Его следует отличать от творческой индус-

¹ См., напр.: DCMS. *Creative Industries Mapping Document 1998*. URL: webarchive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.culture.gov.uk/reference_library/publications/4740.aspx; DCMS. *Creative Industries Mapping Document 2001*. URL: gov.uk/government/publications/creative-industries-mapping-documents-2001; Bakhshi H., Davies J., Freeman A. *The Geography of the UK's Creative and High-tech Economies*. London: Nesta.Belfiore, 2015; Bakhshi H., Freeman A., Higgs P. *A Dynamic Mapping of the Creative Industries in the UK*. London: NESTA, 2013. URL: https://www.academia.edu/5538116/A_Dynamic_Mapping_of_the_UKs_Creative_Industries

трии, которая представляет собой отрасль разделения труда, интенсивно использующую творческий труд. Как определить творческую профессию? Приведенный анализ показывает, что ее следует отличать по *немеханическому*, то есть неповторяющемуся характеру.

Современная дискуссия о механической и повторяющейся деятельности на самом деле довольно стара – она берет начало от Тьюринга и его знаменитого «теста», – но в последнее время особенно оживилась в связи с появлением в массовом сознании искусственного интеллекта (ИИ). На самом деле к 1970-м годам работа над ним уже шла полным ходом (см., например, Amarel, 1966; Hofstadter, 1986), а, в 1968 году я уже работал с подразделением Дональда Мичи по искусственному интеллекту в Единбургском университете.

Причина в том, что вычисления сами по себе являются механическим процессом. Они просто переносят достижения механической эпохи из мира физического в мир электронный. Симулякр интеллекта достигается, по сути, за счет ускорения повторения до такой степени, что становится возможным, по сути, *имитировать* мыслительные процессы человеческого рассуждения, которые носят иной, неповторяющийся характер и которые я называю «предикативными» в отличие от алгоритмических методов компьютера.

Это различие лежит в основе нашего определения творческой профессии, которое конкретизируется в «сетке» характеристик творческих профессий Питера Хигга. Эта «сетка» не является неизменной, и часть нашего исследования должна состоять в том, чтобы пересмотреть ее в свете современных ресурсов, которые становятся доступными, включая подробные статистические и качественные отчеты о характере современного труда. Однако наша цель – дать *сравнительную* характеристику умственного производственного потенциала репрезентативной группы стран, поэтому важно, чтобы любое определение, которое будет принято, применялось универсально.

Креативная сетка

Инновационный процесс	Решает ли эта роль чаще всего проблему или достигает цели, даже поставленной другими, новыми способами? Даже если существует четко определенный процесс, позволяющий реализовать решение, проявляется ли творчество на многих этапах этого процесса?
Устойчивость к механизации	Сам факт того, что определяющей чертой творческих индустрий является использование специализированной рабочей силы, говорит о том, что творческая рабочая сила явно вносит свой вклад, для которого нет механической замены
Неповторяемость или неравномерность функционирования	Меняется ли трансформация, которую производит профессия, каждый раз, когда она создается, из-за взаимодействия факторов, навыков, творческого порыва и обучения?
Творческий вклад в цепочку создания стоимости	Является ли результат профессиональной деятельности новым или творческим независимо от контекста, в котором он производится; одним из таких контекстов является отрасль (и ее стандартная классификация) организационной единицы, в которой находится или используется данная роль? Например, музыкант, работающий на круизном лайнере (транспортная отрасль), все равно является творческим работником, в то время как печатник, работающий в банке, скорее всего, обслуживает печатную технику и, следовательно, будет считаться механистом, а не творческим работником
Интерпретация, а не просто трансформация	Делает ли роль что-то большее, чем просто «перемещает» форму, место или время услуги или продуктов трудовой деятельности? Например, чертежник/пользователь САПР берет у архитектора серию двухмерных чертежей и создает на их основе трехмерную модель здания. Несмотря на большое мастерство и определенную степень творческого подхода, основная часть нового продукта, возможно, создается архитектором, а не чертежником

Результаты творчества: кто покупает креативные продукты и почему?

«Ты, Дымов, умный, благородный человек», – говорила она, – но у тебя есть один очень важный недостаток. Ты совсем не интересуешься искусством... Это ужасно!»

«Почему же? Твои знакомые не знают естественных наук и медицины, однако же ты не ставишь им этого в упрек. Я не понимаю пейзажей и опер, но думаю так: если одни умные люди посвящают им всю свою жизнь, а другие умные люди платят за них громадные деньги, то, значит, они нужны. Я не понимаю, но не понимать не значит отрицать».

А.П. Чехов «Попрыгунья», 1891

Симулятивные блага

Здесь мы не можем обойтись без размышлений над важным вопросом: каков результат творческого производства? Более подробно мы рассматривали его в другом материале (см.: Freeman, 2014), но и здесь уместны некоторые короткие пояснения.

Мы можем подойти к этому вопросу, рассмотрев так называемую «закон Баумоля», который, как говорят, показывает, что производительность в сфере услуг не может быть увеличена, поскольку количество услуги не может быть изменено в силу самой природы сферы услуг. Баумоль, выдвигающий этот тезис в защиту общественной поддержки искусства, приводит пример оркестра. Он может играть только определенное музыкальное произведение в определенном темпе, заданном композитором и дирижером. Поэтому кажется бессмысленным повышать производительность оркестра, заставляя его играть больше композиций или играть их быстрее.

Я называю это «заблуждением Баумоля», а не «законом Баумоля», поскольку этот тезис ложен по двум причинам: во-первых, мера предоставления любой услуги равна количеству людей, которые ее получают, а не объему производства производителей; во-вторых, мера услуги не зависит от того, кто ее производит и насколько хорошо они это делают. Ее качество, в некотором смысле определяемое сочетанием эмпирических исследований, теоретических уточнений и, по сути, социального регулирования стандартов, также должно приниматься во внимание.

Оба этих момента проливают свет на важный вопрос «какова природа ментального продукта?», поскольку они подчеркивают тот факт, что «количество» любого нематериального продукта не заключается только в его физических свойствах. То есть требуется фундаментальный пересмотр способов мышления, заимствованных из механического века.

Возьмем сначала самое простое – даже если мы предположим, что услуга, предоставляемая оркестром, является единообразной (т.е. не зависит от оркестра и того, насколько хорошо он исполняет произведение), ее продуктивность очевидно выше, если она охватывает большее число людей. И, действительно, это причина перехода от камерной музыки, исполняемой, как следует из названия, для небольшой компании слушателей, к выступлениям симфонических оркестров на крупных специализированных площадках.

Но как только мы принимаем эту точку зрения, мы видим, что любая мера, увеличивающая количество слушателей, увеличивает продуктивность оркестра. Самым ранним таким достижением была грампластинка, за которой последовало радиовещание. Это, в свою очередь, повысило производительность оркестров просто за счет увеличения размера аудитории, поскольку электронное воспроизведение превратилось в массовую индустрию, а радио, а затем и телевидение становились все более дешевыми и доступными.

С наступлением эпохи цифровых технологий все это одно за другим было включено в современную всемирную сеть, которая способна транслировать живые выступления по всему миру в дома, кинотеатры и другие места, где визуальный эффект от выступления как минимум не уступает оригиналу, а в некоторых случаях даже лучше.

Это подводит нас к следующему. Критически настроенный читатель заметит или даже энергично выскажется, что нельзя сравнивать ощущения от высококачественного оркестрового исполнения с ощущениями от прослушивания царапанной виниловой пластинки, или что живое исполнение – это совершенно иной и более «качественный» опыт, чем запись или трансляция. Но как только это будет сказано и с радостью принято, стоит признать, что не все оркестровые впечатления одинаковы – именно поэтому некоторые оркестры более востребованы, чем другие – в общем и целом потому, что они играют *лучше*.

Другими словами, потребительная стоимость оркестрового исполнения *не* одинакова для всех оркестров и всех типов исполнения. Таким образом, оркестр действительно может «повысить свою продуктивность», не играя музыку *больше* или *быстрее*. Он может получить лучшую площадку для выступлений с превосходным качеством звука. Он может нанять лучших музыкантов. Он может больше *практиковаться*, что является недооцененным средством повышения продуктивности, которое, тем не менее, имеет основополагающее значение для жизни любого музыканта или группы музыкантов. Наконец, он может получить контракты на запись с признанными лейблами, получить высокооплачиваемые контракты на вещание или просто выпустить музыкальные произведения в Интернет.

Одним словом, «закон Баумоля» – это заблуждение. Его утверждение не согласуется с фактами, основанными на ошибочной аналогии между материальным производством и производством услуг. Именно по этой причине необходима *специфическая* теория *потребительной стоимости услуг*, которая, что особенно важно, учитывает различия в качестве потребляемого.

Однако, это может дать право любому продавцу устанавливать произвольную стоимость услуги, определяемую путем поиска небольшой группы богатых потребителей, которые заплатят столько, сколько выдержит рынок, и это настоящая проблема. Данный вопрос поднимается, в частности, в понятии «симулятивного блага», на него справедливо ссылаются в своих работах профессор Бодрунов и профессор Бузгалин, и оно занимает центральное место в критике традиционной экономики, ответом на которую является ноономика.

При этом негативная критика того, что что-то не так, не является достаточным основанием для установления того, что правильно. Если что-то в теории неверно, задача ученого в том, чтобы предложить что-то лучшее, основываясь, прежде всего, на наблюдении фактов и на теории, объясняющей факты. Так, профессор Бузгалин приводит пример сумки Gucci стоимостью 5 000 долларов. Однако он не указывает, за какую цену на самом деле она *должна быть* продана – в сегодняшнем обществе или обществе ноономики будущего, или (если это другое) социалистическом обществе будущего.

Нынешний машинократический ответ заключается в том, что все сумки одинаковы. Между ними нет объективной разницы – все они являются просто реализациями социального *рода* «вместилища вещей». Таким образом, если цена сумки Gucci отличается от цены мешка, то это просто отражение некоего оруэлловского принципа, согласно которому «все сумки равны, но некоторые равнее других».

Ответ, который мог бы дать расширенный ноономический аудит в том, что стоимость сумки, как и стоимость любого другого произведенного товара, определяется общественно необходимым рабочим временем для ее производства. В этом случае нам придется исследовать не только род занятий и местонахождение творческих работников, но и цепочку создания стоимости, ведущую от их работы к конечному продукту. Это вовсе не нереально, ведь правильная система учета труда фактически является дальнейшим необходимым требованием ноономической системы управления. Однако это далеко выходит за рамки настоящего предложения.

Более того, оно в некоторой степени помогает справиться с проблемой, но не решает ее, поскольку содержит фразу «общественно необходимый». В действительности производство сумки Gucci требует реального труда – труда создателей сумки, ее художников, команды дизайнеров Gucci, значительного труда по продвижению бренда и маркетингу и т.д. Это настоящий труд, а не фальшивый. Его выполняют реальные люди, которые тратят на это часы работы. И им за это платят. Это не какой-то жульнический прием, в котором компания держит в платежных ведомостях гоголевских мертвых душ, и делает вид, что нанимает их и платит им, прежде чем представить обществу счет, дополненный фиктивными издержками.

Можно, конечно, утверждать, что эти реальные затраты не являются необходимыми, и что Gucci следует запретить нанимать этих работников, а покупателям следует запретить получать товары, помещать в них вещи или выставлять их напоказ публично. Но это моральное определение, а не определение, вытекающее из реальности производственных отношений в реально существующем капиталистическом обществе. По определению Маркса, труд дизайнеров Gucci общественно необходим, поскольку общество использует его. Определение Маркса, как и определение Дымова у Чехова в цитате к данному разделу, строго ограничивается выяснением того, действительно ли общество использует соответствующий труд, и не содержит никакого элемента морального одобрения.

Иногда это высокооплачиваемый труд, а, по большому счету, труд в индустрии моды [Freeman, 2011], к которой принадлежит Gucci, оплачивается не лучше, чем любой другой, а иногда, за исключением небольшого числа высокооплачиваемых специалистов, намного хуже. Gucci не взимает монопольную цену или ресурсную ренту, как это делают, например, нефтяная промышленность и многие пищевые отрасли, когда товаров не хватает. Но мы не называем эти высокие цены симулятивными благами. Мы называем их монопольной рентой.

Тогда может быть Gucci поддерживает высокую цену, ограничивая поставки своего товара? В некоторой степени это правда, поскольку бренд служит созданию ценности в условиях дефицита. Но и это не решает проблему, поскольку приводит к выводу, что каждый продавец художественных репродукций, ограничивающий их количество путем создания востребованного «специального издания», является монополистом, создающим симулятивное благо, и что только настоящие производители художественной ценности – те, кто создает неограниченное количество каждого предмета, который они выпускают на рынок.

Таким образом, суть аргумента в том, что труд армии дизайнеров и маркетологов Gucci не является в каком-то смысле «общественно необходимым». Прекрасно, но кто и как должен определять, что необходимо? Один из ответов – «государство». Это, мягко говоря, проблематично. Более сложный ответ – это «делегированные ассоциированные органы

производителей», такие как Союз советских писателей или Ассоциация художников в Великобритании, прекрасная организация, которой уделяется недостаточно внимания. Интересно, что решение, предложенное Лениным в ответ на стоимость рекламы, заключалось в предоставлении государственного финансирования вместо рыночного распределения, так что газете или журналу с определенным количеством читателей, скажем, 500, будет выделяться 10 000 долларов в год, в то время как тот, у кого более высокий тираж, скажем, 50 000, получит больше, но не пропорционально – скажем, 50 000 долларов в год.

Третье решение, предложенное искусствоведам Джоном Рёскином, – это оценивать труд художников пропорционально их художественным достоинствам, т.е. относиться к нему, в терминах, определенных Рикардо и Марксом, как «более сложный» труд и, следовательно, производительный с большей ценностью. Обратите внимание, что это предложение не по определению заработной платы художника, а по определению стоимости его произведения. Это приводит, например, к выводу, что, если художника нанимает капиталистический предприниматель, то он имеет социальное право на более высокую прибыль, чем его конкуренты. Безусловно, такой социально мыслящий предприниматель тогда платил бы художнику больше, и даже капиталистически мыслящий мог бы делать то же самое, хотя эмпирические исследования индустрии моды и искусства показывают, что это не так – главным образом потому, что предложение творческой рабочей силы в настоящее время значительно превышает спрос на него, который ограничен постоянной тенденцией капитализма ограничивать право общества наслаждаться прекрасным и потреблять творческие и культурные продукты.

Задача ноономики в том, чтобы систематически повышать права потребителей на диверсификацию *доступа к плодам творческого труда* – ассортименту художественных и дизайнерских нематериальных продуктов, которыми они наслаждаются. Следует ли тогда делать это с помощью *ограничения* диапазона того, что «мы» (кем бы «мы» ни были – государство, какие-то круги интеллигенции или ассоциации производителей и потребителей) считаем общественно необходимым?

Проблема здесь в том, что любое регулирование, в большей или меньшей степени, состоит не просто в разрешении того, что считается хорошим, но и в запрете того, что считается плохим. Любое предложение об отмене «симулятивных благ» подразумевает, что мы лишим покупателей дорогих сумок Gucci права их покупать, а также лишим армию дизайнеров Gucci права создавать их. Кто будет это делать? Как? На каких принципах эта новая и, по всей вероятности, самопровозглашенная интеллигенция будет диктовать населению, чем оно имеет право наслаждаться, а его художникам, что они имеют право создавать?

Ответ, который предлагается, является стандартным ответом науки: мы должны сначала определить факты, а затем построить теорию, которая их объясняет. *Почему* потребители платят 5 000 долларов за сумку или, если уж на то пошло, 500 долларов за билет на выступление известного оркестра – не говоря уже о 5 млн долларов за скульптуру Дэмиена Херста, которая представляет собой не более чем набор безделушек с приложенным сертификатом подлинности художника?

Ответ: потому что общество является классовым. Именно существование классов, прежде всего классов с большими различиями в богатстве и покупательной способности, приводит к, казалось бы, грабительским ценам на мишуру и безделушки. Действительно, любая

попытка решить проблему путем регулирования того, что является художественно приемлемым, без решения коренной проблемы социального неравенства, обречена на провал, поскольку на самом деле приведет к *повышению* цен на элитную продукцию, создавая черные рынки в форме одержимости джинсами западного производства, которая преобладала на поздних стадиях советского общества. Это мигрирует в другие сферы, такие как спрос на роскошные туристические курорты, дорогое жилье, яхты и все, что мы сегодня ассоциируем с мафиозной культурой. Это не исчезнет до тех пор, пока классовое неравенство не будет уничтожено мерами, регулирующими доходы и богатство, или не исчезнет с помощью мер, которые приведут огромную массу населения к стандартам, доступным до сих пор лишь ограниченной части общества.

Сумки Gucci продаются за 5 000 долларов, потому что в обществе есть привилегированные элиты, которые за них платят. В таком случае возникает вопрос: «Почему они за них платят?» Очень краткое объяснение, которое было дано в других работах, заключается в том, что это происходит потому, что они несут в себе *отличие* – концепцию, тщательно разработанную Бурдьё [Bourdieu, 1979] и другими.

Ценность творческих продуктов состоит в том, что они *отличаются друг от друга*. Генри Форд однажды сформулировал машинократический принцип: «Цвет автомобиля может быть любым, если он черный». Чем больше развивается технология, включающая творческий труд дизайнеров в свою продукцию, тем менее приемлемым становится этот принцип и тем больше она позволяет потребителям выбирать из множества продуктов. На чем основан этот выбор? На разрушении единообразия. Потребители сумок больше не сводятся к пользователям мешков из рогожи, простых предметов, используемых для переноски других предметов. Причем сумки различаются не только по функциональности (большие, маленькие, много карманов, разные ремни и ручки и т.д.), но и по *внешнему виду* – цвету, рисунку, контурам и т.д. Тем самым они расширяют возможности людей к разнообразию опыта, что является обратной стороной творческой дифференциации разновидностей творческого производства.

Поэтому потребность в *разнообразии опыта, возникающая в результате расширения творческих способностей*, которую я называю «горизонтальным различием», абсолютно здорова и состоит лишь в самореализации людей, которые наслаждаются таким опытом. Я бы сказал, что это должно быть главной целью ноономики.

Но в классовых обществах, прежде всего в тех, которые содержат значительный, но ограниченный слой поднимающегося по социальной лестнице среднего класса, возникает другой тип различия, который я называю «вертикальным различием». Он возникает из-за необходимости стремящихся к богатству людей *продемонстрировать свое превосходство, чтобы получить доступ к средствам реального обогащения*. Иерархическая социальная дифференциация просачивается из каждой поры моделей потребления среднего класса: они живут в «хороших местах», отправляют детей в «хорошие школы», наслаждаются «превосходным искусством», читают «качественные газеты» (что означает «социально-признанная чушь» вместо «социально порочащей чепухи»), носят одежду, демонстрирующую «превосходный вкус» и т.д., и т.п. Сумка Gucci – лишь верхушка этого огромного айсберга, состоящего из множества кристаллизованных «маленьких объектов желания», по выражению Бунюэля, каждый из которых, если дать ему правильное название, является *показателем социального статуса*.

Заключение

Объектом исследований, большая часть которых уже проводится и слишком обширна, чтобы их можно было суммировать, должно быть выявление неблагоприятных последствий не только *использования* «симулятивных благ», но и отсутствия действительно лучших альтернатив. Решение проблемы завышенной цены, назначенной на дорогостоящие продукты, в которых дизайнерский или творческий вклад не широко доступен, состоит в том, чтобы сделать такие продукты широкодоступными, то есть сделать творческий, дизайнерский труд неотъемлемой и признанной частью всего производства. Это возвращает нас к фундаментальному требованию ноономической системы управления рабочей силой – массовому расширению творчества и трансформации творческого потенциала, который в настоящее время скрыт в большей части человеческого производства, в универсальное право человека путем преобразования характера производства.

Список литературы

- Бодрунов С.Д. (2018). От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. №7. С. 109-118. DOI: 10.31857/S004287440000232-0
- Бузгалин А.В. (2017a). Креативная экономика: почему и как может быть ограничена частная интеллектуальная собственность // Социологические исследования. №8. С. 20-30. DOI: 10.7868/S0132162517080037.
- Бузгалин А.В. (2017b). Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. № 7. С. 43-53. DOI: 10.7868/S0132162517070054
- Фриман А. (2021). Ментальные объекты как производительная сила: к критике ноономики ноономики / А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия; под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб: ИНИР. С. 207-265.
- Amarel S. (1996). On the mechanization of creative processes. Reprinted from IEEE Spectrum April. URL: <https://stacks.stanford.edu/file/druid:zv585py2131/zv585py2131.pdf>
- Bakhshi H., Davies J., Freeman A. (2015). The Geography of the UK's Creative and High-tech Economies. London: Nesta.Belfiore.
- Bakhshi H., Freeman A., Higgs P. (2013). A Dynamic Mapping of the Creative Industries in the UK. London: NESTA. URL: https://www.academia.edu/5538116/A_Dynamic_Mapping_of_the_UKs_Creative_Industries.
- Bell D. (1976). The Coming of Post-Industrial Society. Basic Books.
- Bennet E., Belfiore O. (2008). The Social Impact of the Arts. Palgrave MacMillan.
- Bodrunov S. (2023). Noonomy: The Trajectory of Global Transformation. New York: Academic Studies Press.
- Bourdieu P. (1979). Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste (La Distinction: Critique sociale du jugement).
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2016). Critical political economy: the 'market-centric' model of economic theory must remain in the past-notes of the Post-Soviet School of Critical Marxism// Cambridge Journal of Economics. Vol. 40. No. 2. Pp. 575-598.

- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2013). The Anatomy of Twenty-First Century Exploitation: From Traditional Extraction of Surplus Value to Exploitation of Creative Activity // *Science and Society*. Vol. 77. No. 4. Pp. 486-511.
- Carlyle T. (1829). Signs of the Times [The Mechanical Age]. *Edinburgh Review*. Vol. xlix. 439 p.
- Cheng E., Wang G., Zhu Kui. (2019). *The Creation of Value by Living Labour: A Normative and Empirical Study*. Vol. 2. New York and Beijing: Canut Press.
- Darnall T. (1994). *Artificial Intelligence and Creativity*. Springer-Science+Business Media.
- Elliott L., Atkinson D. (2007). *Fantasy Island: Waking up to the Incredible Economic, Political and Social Illusions of the Blair Legacy*. London: Constable.
- Freeman A. (2014). Twilight of the machinocrats: Creative industries, design, and the new future of human labour. In: Van Der Pijl K. (2014). *The International Political Economy of Production*. Handbooks of Research on International Political Economy series. Benjamin J. Cohen (University of California, Santa Barbara) and Matthew Watson (University of Warwick). eds. Cheltenham: Edward Elgar.
- Freeman A. (2011). *The Value of Fashion*. Printed report. British Fashion Council.
- Freeman A. (2002). *Creativity: London's Core Business*. London: GLA. URL: ideas.repec.org/p/pra/mprapa/52548.html
- Higgs P., Cunningham S. (2008). Creative Industries Mapping: Where have we come from and where are we going? // *Creative Industries Journal*. Vol. 1. Iss. 1. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1386/cij.1.1.7_1
- Higgs P., Cunningham S. (2008). Creative Industries Mapping: Where have we come from and where are we going? *Creative Industries Journal*. Vol. 1. Iss. 1. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1386/cij.1.1.7_1
- Hofstadter D.R. (1986). On the seeming paradox of mechanizing creativity. *Metamagical Themas*. London: Penguin. Chapter 23. Pp. 525-546.
- Kuznets S. (1966). *Economic Growth of Nations: Total Output and Production Structure*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.
- Kuznets S. (1965a). *Economic Growth and Structure: Selected Essays*. New York: Norton.
- Kuznets S. (1965b). *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven: Yale University Press.
- Tusa J. (2014). *Pain in the Arts*. I.B. Tauris.
- Vernadsky W. (1945). The Biosphere and the Noosphere // *American Scientist*. Vol. 33 No 1. Pp. 1-12. URL: https://monoskop.org/images/5/59/Vernadsky_WI_1945_The_Biosphere_and_the_Noosphere.pdf

References

- Bodrunov S.D. (2018). From ZOO to NOO: Man, Society and Production in the Conditions of a New Technological Revolution. *Voprosy Filosofii* [The Questions of Philosophy]. Vol. 7. Pp. 109-118. DOI: 10.31857/S004287440000232-0 (In Russ.)
- Buzgalin A.V. (2017a). Reative Economy: Why and How Private Intellectual Property Can Be Limited. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 8. C. 20-30. DOI: 10.7868/S0132162517080037. (In Russ.)
- Buzgalin A.V. (2017b). Creative Economy: Private Intellectual Property or Ownership by Everybody of Everything? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 7. C. 43-53. DOI: 10.7868/S0132162517070054 (In Russ.)

- Friman A. (2021). Mental Objects as a Productive Force: Towards a Critique of Noonomics. In: *A(O)ntologiya noonomiki: chetvertaya tekhnologicheskaya revolyuciya i ee ekonomicheskije, social'nye i gumanitarnye posledstviya*. St. Petersburg: INID Publ. Pp. 207-265. (In Russ.)
- Amarel S. (1996). On the mechanization of creative processes. Reprinted from IEEE Spectrum April. URL: <https://stacks.stanford.edu/file/druid:zv585py2131/zv585py2131.pdf>
- Bakhshi H., Freeman A., Higgs P. (2013). *A Dynamic Mapping of the Creative Industries in the UK*. London: NESTA. URL: https://www.academia.edu/5538116/A_Dynamic_Mapping_of_the_UKs_Creative_Industries.
- Bakhshi H., Davies J., Freeman A. (2015). *The Geography of the UK's Creative and High-tech Economies*. London: Nesta.Belfiore.
- Bell D. (1976). *The Coming of Post-Industrial Society*. Basic Books.
- Bennet E., Belfiore O. (2008). *The Social Impact of the Arts*. Palgrave MacMillan.
- Bodrunov S. (2023). *Noonomy: The Trajectory of Global Transformation*. New York: Academic Studies Press.
- Bourdieu P. (1979). *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste (La Distinction: Critique sociale du jugement)*.
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2016). Critical political economy: the 'market-centric' model of economic theory must remain in the past-notes of the Post-Soviet School of Critical Marxism. *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 40. No. 2. Pp. 575-598.
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2013). The Anatomy of Twenty-First Century Exploitation: From Traditional Extraction of Surplus Value to Exploitation of Creative Activity. *Science and Society*. Vol. 77. No. 4. Pp. 486-511.
- Carlyle T. (1829). *Signs of the Times [The Mechanical Age]*. Edinburgh Review. Vol. xlix. 439 p.
- Cheng E., Wang G., Zhu Kui. (2019). *The Creation of Value by Living Labour: A Normative and Empirical Study*. Vol. 2. New York and Beijing: Canut Press.
- Darnall T. (1994). *Artificial Intelligence and Creativity*. Springer-Science+Business Media.
- Elliott L., Atkinson D. (2007). *Fantasy Island: Waking up to the Incredible Economic, Political and Social Illusions of the Blair Legacy*. London: Constable.
- Freeman A. (2014). Twilight of the machinocrats: Creative industries, design, and the new future of human labour. In: Van Der Pijl K. *The International Political Economy of Production. Handbooks of Research on International Political Economy series*. Benjamin J. Cohen (University of California, Santa Barbara) and Matthew Watson (University of Warwick). eds. Cheltenham: Edward Elgar.
- Freeman A. (2011). *The Value of Fashion. Printed report*. British Fashion Council.
- Freeman A. (2002). *Creativity: London's Core Business*. London: GLA. URL: ideas.repec.org/p/prapra/52548.html
- Higgs P., Cunningham S. (2008). Creative Industries Mapping: Where have we come from and where are we going? *Creative Industries Journal*. Vol. 1. Iss. 1. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1386/cij.1.1.7_1
- Hofstadter D.R. (1986). On the seeming paradox of mechanizing creativity. *Metamagical Themas*. London: Penguin. Chapter 23. Pp. 525-546.
- Kuznets S. (1966). *Economic Growth of Nations: Total Output and Production Structure*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.
- Kuznets S. (1965a). *Economic Growth and Structure: Selected Essays*. New York: Norton.

Kuznets S. (1965b). *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven: Yale University Press.

Tusa J. (2014). *Pain in the Arts*. I.B. Tauris.

Vernadsky W. (1945). The Biosphere and the Noösphere. *American Scientist*. Vol. 33 No 1. Pp. 1-12.
URL: https://monoskop.org/images/5/59/Vernadsky_WI_1945_The_Biosphere_and_the_Noosphere.pdf

Информация об авторе

Фриман Алан

Директор Исследовательской группы проблем геополитэкономии Университета Манитобы (66 Chancellors Cir, Виннипег, MB R3T 2N2, Канада)

E-mail: Alan.Freeman@umanitoba.ca

Information about the author

Alan Freeman

Director of the Geopolitical Economy Research Group, University of Manitoba (66 Chancellors Cir, Winnipeg, MB R3T 2N2, Canada).

E-mail: Alan.Freeman@umanitoba.ca